

СМЕНА

Утро выдалось серым, дождливым. Мерзким каким-то, неприятливым. В такое утро больше всего хочется, едва открыв глаза, снова закрыть их, спрятаться подальше под одеяло, включить посильнее обогреватель, засунуть под одеяло мурчащего кота и уснуть, как минимум, на полгода.

Нельзя. Впереди — сутки работы. Сутки беготни, недосыпания, жалоб, холода, вони... Тот серый дождь, что сейчас колотит по оконным стеклам, будет барабанить мне прямо по голове, затекать за шиворот, лезть в глаза, хлопнуть в туфлях. Ветер, от которого ходит ходуном плохо заклеенная форточка, будет забираться за отвороты куртки, хватать за бока своими ледяными лапами, валить с ног, забиваться в ноздри, провоцируя длительное «апчхи!» и шмыганье носом. Будет холодно, промозгло, раздражающе надоедливо, злобно-тоскливо. Мерзко. Но — необходимо.

Я — фельдшер «Скорой помощи». Я работаю на выездной бригаде, сутки через двое, за грошовую зарплату, с любимым доктором, в холодной неотопливаемой машине.

Я люблю свою работу.

Может, поэтому меня и называют Психом?

Подстанция встречает меня привычным утренним го-моном, суетой, облаками табачного дыма, плывущими с крыльца, руганью и ревом автомобильных моторов. Свя-тое время для персонала — пересменка. С семи до восьми утром и вечером комплектуются новые смены бригад, мол-чит ненавистный селектор, есть время перекурить и про-глотить кусок булочки всухомятку, а, если повезет — вы-пить горячего кофе.

Двор забит санитарными «газелями», поодаль скучает «уазик» фельдшерской бригады, посреди двора, распахив всех прочих, горделиво выпятил мигалки «Соболь» реа-нимации. Фельдшера, с красными от бессонницы глазами и угрюмыми заспанными лицами, таскают через двор ска-танные постельные принадлежности, тяжелые сумки с кислородными ингаляторами, обшарпанные свинцовые укладки с хирургией, волоком тащат чехлы с костылями и иммобилизационными шинами, ухитряясь при этом на-спех затягиваться сигаретным дымом, пожимать руки вновь прибывшим и ругаться с водителями.

— Саша? Саша!

— Че орешь, как потерпевшая? Тут я. Тебя-то где хрен носит?

— Ты на какой машине?

— 683, глаза разуй! Что, нах, повылазило? Вон стоит.

— Тогда помоги, тут вещей столько!

— Да иди гуляй! Вон машина, открыта, куда что ло-жить — разберешься.

— Саш, ну совесть у тебя есть? Кардиограф хоть возьми!

— Нахрен мне твой кардиограф! Стукну еще где — потом не расплачусь. Сама тащи.

Девушка работает у нас недавно — чуть не плачет, а ска-зать ничего не может. Мне ее становится жалко — формен-ную куртку ей еще не выдали, а зеленая ветровка, надетая

поверх летней формы, не согреет и чукчу в субтропиках. Она, сгорбившись, стоит посреди двора, зажав под мышкой одеяло с подушкой, ухитрившись при этом нацепить на шею сумку с кардиографом, и еще пытается ухватить тяжелые шины. Водитель — наглая жирная рожа, тоже работает у нас не так давно — стоит под бетонным козырьком, предусмотрительно укрывшись от дождя, и курит «Приму», пуская вонючий дым в потолок.

Подхожу к нему. Рожа расплывается в улыбке, тянет руку для приветствия. Руку я демонстративно не замечаю.

— Александр.

— Чего?

— Тебя русским языком твой фельдшер просит помочь.

Рожа открывает рот, явно собираясь выплеснуть на меня что-то по родительской линии — но не успевает. Я сгребая его за шиворот и, слегка приподняв, от души прикладываю его затылком о борт стоящей рядом «газели».

— Ты... ты... нах... че?!

— Ты, козел кастрированный, если не понимаешь по-русски, будешь обучаться по-козлиному, — сообщаю я ему. — Это — первое.

Девушка, приоткрыв глазки и рот, ошарашенно смотрит на происходящее.

— Фельдшер — это твой непосредственный начальник, после врача, конечно, — продолжаю я. — Его слово для тебя, говнюк, закон, распоряжения его ты выполняешь быстро и без пререканий. Это — второе.

Водитель Александр не возражает, потому как занят отдираньем моих пальцев от своего горла и натужно сипит. Бесполезно — если он не в курсе, то ему уже сегодня расскажут, на какой бригаде я проработал пять лет в свое время и какую репутацию имею.

— И третье, — я отпускаю его горло и как следует врезаю ему под дых. — Оно же — последнее.

Рожа сгибается пополам, глотая ртом воздух. Я наклоняюсь к нему, по-приятельски кладя руку на плечо.

— Ты на выездной бригаде — никто, технический персонал, прослойка между рулем и сиденьем. Твое слово ничего не значит, твоего мнения никто не спрашивает, твои пожелания никого не интересуют. И если вдруг я узнаю, что ты забыл эти три истины...

Взяв его за воротник куртки, я снова прислоняю страдающего Александра к погнутому борту машины.

— Тогда ты у меня, свинячий выкидыш, пожалеешь, что не остался на своей маршрутке. Даю тебе слово. А теперь — взял шмотки и потащил их в машину. Бегом.

Водитель тяжело дышит, явно пребывая в раздумьях, то ли начинать драку, то ли подождать, когда я повернусь спиной. Я не поворачиваюсь, в упор разглядываю его, как будто вижу в первый раз. Наконец он не выдерживает, сгребает стоящую на асфальте хирургию, что-то прошипев стоящей девочке. Она испуганно шарахается от него.

Вздыхаю.

— Иди сюда.

Она опасливо приближается, словно всерьез верит, что я могу внезапно кинуться и покусать.

— Тебя как зовут?

— Алина, — голосок испуганный и дрожащий. Повезло девочке, нечего сказать.

— Если он попытается отыгаться на тебе, Алина, дай мне знать. Ладно? Я на четырнадцатой бригаде работаю.

— Ладно.

Ага. Сразу видно, что первым делом побежит.

— И почему я тебе не верю?

Беру ее за плечи, уводя с мерзкой мороси под защиту козырька. В небольшом проходе стоит лавочка, теоретически предназначенная для желающих перекурить сидя. На самом деле она завалена вещами бригад, с оставленными кое-где промежутками для караулящих эти вещи. Я, отпихнув ящик с мешком Амбу, усаживаю девочку на край лавки.

— Ты — фельдшер, — говорю ей. Словно лекцию читаю. — С этим согласна?

Кивает. Уже хорошо.

— Ты не дворник в городском парке. И не официантка в забегаловке. Тебе сейчас предстоит сутки мотаться из конца в конец, бегать по этажам, таскать носилки, переть на себе оборудование — а еще проделывать те манипуляции, которые вон то чмо, — последние слова говорю громко, поскольку приближается обиженный и горящий жаждой мести Александр за последней порцией вещей, — в жизни не проделает со своими неполными тремя классами образования. Например — колоть в спавшиеся вены, втыкать зонд в глотку орущего и сопротивляющегося двухлетнего пацана, вводить уретральный катетер бомжу и чистить гнойные раны, в которых даже опарышидохнут. А еще — сорок пять минут ломать кому-то ребра, пытаешься вытащить его с того света, под аккомпанемент матерящихся в твой адрес родственников. Ты на себе несешь такую ответственность и нагрузку, которую он и вообразить себе не может. При всем при этом ты получаешь зарплату гораздо меньше, чем у него.

Алина испуганно моргает глазами.

— Но он же ругаться будет...

— Главный в бригаде — врач, — жестко говорю я. — Если он язык в жопу засунул — то есть старший врач. Есть заведующий подстанцией. Есть старший фельдшер. Есть главный врач, в конце концов. И если ты думаешь, что некому будет приструнить ублюдка, то глубоко ошибаешься. После врача в бригаде главная ты. А потом уже — водитель. И если ты ему позволишь командовать собой сейчас, с самого начала, то потом это уже не остановить. Поняла?

Кивает.

— Ну, беги давай.

Девочка убегает, оглянувшись. Интересная девчонка. Пугливая только какая-то.

Я поднимаюсь на крыльцо, здороваясь с теми, кто там находится.

— Перекуришь, Псих?

— Если легкие одолжишь.

Смеясь, обнимаемся с Сергеей, хлопая друг друга по плечам. Мы долго работали вместе на одной бригаде, смена в смену, хохмочки друг друга знаем наизусть. Он — это один из немногих, кого я рад видеть, приходя на смену.

— Как прошлое дежурство?

— А, никак. Всю ночь, как вокзальных проституток — долго, конкретно и практически бесплатно.

— Поспали хоть?

— Полчаса. Потом сорвали на контрольное изнасилование.

— И что там?

— Отек легких.

— Ну-ну. Сняли?

— Сняли. И отвезли.

«Контрольное изнасилование» — вызов перед самой утренней пересменкой, когда ты уже собираешься сдавать барахло, перегружать машину и стягивать с себя промокшую и запачканную после ночи форму. Редко кто, схлопотав такой вызов, не ругнется. Зачастую — при больном. Или на больного. Странные все-таки существа — люди. Все они сознают, что им нужно спать, вовремя и полноценно питаться, отдыхать после работы. И, тем не менее, нас за людей они, видимо, не считают. Потому что, вызвав бригаду в такую рань, когда сон самый крепкий, когда уже еле ноги переставляются после непрерывной почти суточной суеты, а глаза открываются только по одному, они еще возмущаются. Ах, как долго мы едем! Как плохо лечим! За что нам только зарплату платят? Наши сонные физиономии вызывают у них чувство отвращения и праведного негодования. И действительно, как мы можем хотеть спать, когда они-то не спят!

Поднявшись по лестнице на второй этаж, я прислушался. Из учебной комнаты доносился громкий голос старшего врача, монотонно зачитывающей дремлющим медикам суточный рапорт — сколько было перевозок, сколько

стенокардий, инфарктов, «острых животов», кто и как сложил труп «в присутствии бригады». Очень нужная информация с утра... Особенно тем, кто всю ночь не спал.

Из комнаты реанимации доносился дежурный хохот. Интересно, почему они всегда смеются? По идее, смерть они видят чаще всех остальных. Каждый их вызов — это травмы, утопления, поражения электрическим током, ножевые ранения, дырки от пуль и сочащиеся кровью трещины в черепе от удара арматуриной. Вероятно, срабатывает защитный механизм психики.

— НА ВЫЗОВ БРИГАДЕ СЕМЬ, СЕДЬМОЙ, — оживает селектор.

Я пожимаю руки трем сумрачным людям, идущим мне навстречу. Жму крепко, от души. Это — «психи», седьмая психиатрическая бригада. Если уж и говорить об опасности работы на «Скорой помощи», то начинать следует с них. Психбригада у нас всего одна, на весь город, им приходится по шесть — по семь часов проводить в дороге, обслуживая один-единственный вызов, поступивший откуда-нибудь с села Веселого или аула Шхафит. И все эти часы связаны с напряжением и неусыпной бдительностью — иначе легче легкого схлопотать нож в бок или веревку на шею. Почти каждый второй психбольной агрессивен, практически все оказывают сопротивление при госпитализации, не стесняясь использовать все, что под руку попадается. Это у милиции есть табельное оружие, бронежилеты, дубинки, наручники — и разрешение все это использовать, разумеется. А у «психов» есть только вязки — длинные полосы из грубой ткани, которыми связывают руки — а часто и ноги — особенно прыгучим больным. Больные, по сути, не преступники, поэтому силу применять к ним нельзя. Но посмотрел бы я на того, кто поработал бы на бригаде хотя бы сутки, не применяя силу. И все, что под руку попадется.

Открываю дверь в свою бригаду. Врач моя еще не пришла, отработавшая смена дружно пьет чай и цинично курит в распахнутое окно. Я демонстративно ёжусь.

— Прохладно, ребятки.

— Ничего, сейчас надышишь, — флегматично отвечает доктор Власин, затягиваясь в последний раз и щелчком пальца отправляющий сигарету в долгий полет на станционный газон. Медсестра Аня не разговаривает со мной с тех пор, как я перешел на их бригаду. В принципе, тому есть причины, хотя я бы на ее месте отнесся к критике более терпимо. Особенно если критика имеет под собой веские основания. Сдать мне грязную терапевтическую сумку, с полным использованных игл контейнером, пятнами крови на полотенце и осколками ампул на дне — и после этого не ждать моего праведного возмущения?

— Я штаны переодеть могу? — холодно интересуется Аня.

— Можешь, — прищуриваюсь. — На вид ты еще дееспособна.

— Выйди тогда!

— Пожалуйста, — цежу сквозь зубы. — Есть такое волшебное слово.

— Антон, не выпендривайся, а? — подает голос Власин, закрывая окно. — Дай девочке переодеться.

— Я ее и не держу. Пусть переодевается — я не стесняюсь.

— Я стесняюсь! — краснея, рывкает Аня.

— Вот и чеши в туалет. В женский. Там ты своими престестями никого не удивишь. Да и в мужском, наверное — тоже.

— Антон!

Мимо меня проносится беловолосый вихрь с пламенеющими щеками, яростно хлопнув дверью.

— Антон, — укоризненно повторяет Власин. — Некрасиво себя ведешь, ей-богу!

— Почему? — удивляюсь я, расстегивая сумку. — У нее времени был вагон и маленькая тележка сменить чешую, пока меня не было. А она курила вместо этого, да еще в комнате. Что, кстати, запрещено. Мне теперь сутки предстоит дышать здесь тем, что вы сейчас накопили. И после

этого она меня пытается выставить, даже не извинившись за загаживание воздуха...

— Какая ты все-таки, зануда, Вертинский, — сплевывает врач. — Как с тобой кто-то еще может общаться, кроме твоих «психов»?

— Долгая тренировка плюс искреннее желание овладеть навыком.

Власин уходит. Я натягиваю на себя форму, застегиваю наглухо осеннюю куртку, которую предварительно охлопываю по карманам. Воровством, конечно, на этой бригаде не балуются, но пошутить могут. В прошлый раз рукава завязали. До этого — запихали в карманы презервативы, наполненные водой. Но на сей раз безвестные шутники присмирели — карточки и сообщения в поликлинику в неприкосновенности, без хамских надписей, ручка целая, контрацептивов в карманах не наблюдается, бумажки «Дай мне по заднице!», закрывающей вышитую надпись «Скорая помощь», на спине тоже не наклеено. И на том спасибо.

Выхожу в коридор, смешиваясь с шумящей толпой повалившихся с окончившейся пятиминутки врачей и фельдшеров. Спускаюсь обратно на первый этаж, обмениваясь приветствиями с вновь прибывшими и уже уходящими. Большие электронные часы над диспетчерской показывают «07:54». Это значит, что у меня есть еще шесть минут для того, чтобы принять смену, распихать медицинский инвентарь по машине и быть готовым выехать по первому зову селектора хоть к черту на кулички.

Бригадную сумку терапии обнаруживаю в ячейке заправочной. Заправочная — это место, где все бригады пополняют недостающие в укладках медикаменты и медицинский инструментарий. Сама она отделена от общего помещения металлической решеткой, за которой смертельно уставшая Яночка — дежурный фельдшер — отбивается от насевших на нее сразу четверых фельдшеров и двух врачей, каждому из которых нужно что-то срочно сдать, пополнить, списать и сдать на стерилизацию.

Я машу ей рукой, но она этого не замечает, полностью погруженная в пререкания. Ну что же, не обижусь, ей сейчас несладко. Бегло просматриваю сумку. Все ампулы на месте, жгуты (на этот раз) аккуратно свернуты и засунуты в кармашек, шприцев ровно двенадцать, полотенце чистое, а на нем лежит стопка расходных листов. Более толстая, чем необходимо. Вероятно, Анечка болезненно восприняла мои слова о том, что половину смены мне пришлось оформлять расход медикаментов на сообщении в поликлинику. На верхней расходке размашисто выведено Аниным почерком «Подаvisь!!!». Я лишь улыбаюсь. Разгневанный враг — наполовину поверженный враг.

Машина, хвала Всевышнему, уже загружена. Пожимаю руку водителю Валере, заглядываю в салон. Ну, умница, умница! Все на своих местах, шины пристегнуты к шкафчику хомутом, дезрастворы аккуратно упрятаны в ведро для пустых шприцев, даже постель расстелена и закрыта непромокаемой клеенкой.

— Анька помогала? — задаю риторический вопрос.

— Она не мешала, — отвечает водитель.

Смеемся.

Распечатываю пачку «Винстона», сдираю фольгу и достаю первую сигарету.

— Как думаешь, загоняют? — интересуется Валера.

— Пусть попробуют, — задиристо отвечаю я, прикуривая. — Мы и не таких...

— НА ВЫЗОВ БРИГАДАМ! — просыпается диспетчер направления. — ТРИ, ЧЕТЫРЕ, ПЯТЬ, ШЕСТЬ, БРИГАДЕ ДЕСЯТЬ, БРИГАДЕ ОДИННАДЦАТЬ, ТРИНАДЦАТОЙ, ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ, ШЕСТНАДЦАТОЙ, ВОСЕМНАДЦАТОЙ!

— Посчитали, мать их ети, — горестно восклицает Валера. — Не успело утро начаться. А у меня реванш пропадает.

Я проследил направление его взгляда в закуток, где обычно стоит «газель» седьмой бригады. Там для водителей оборудован стол, где они сутки напролет режутся

в подкидного дурака и «шестьдесят шесть». Четверо игроков, как раз сейчас, исказившись лицом, бросают карты на стол, направляясь к машинам.

Понимаю. В прошлый раз Валерка жаловался, что просадил за вечер тридцать пять сигарет. Для него, как для отчаянно курящего, это действительно большая потеря.

Отшвыриваю сигарету, направляясь опять в заправочную, за сумкой.

— Здравствуй, Антоша, — устало произносит Яночка, заполняя бесконечные бумажки.

— Здравствуй, моя хорошая. Заколебали?

— Смена есть смена, — пожимает плечами девушка, не переставая строчить в журнале. — Все одно и то же изо дня в день. Вас уже позвали?

— Угу.

У окошка диспетчерской уже сгрудились врачи объявленных бригад. Каждый получает карту вызова, внимательно рассматривает ее и тут же комментирует. Заслушаюсь иногда, честное слово!

— ...опять эта старая лошадь вызвала. Господи, да когда она уже...

— ...ну какое «сердце болит» может быть в девятнадцать лет! Совсем охре...

— ...«Лежит мужчина». Ну и нехай лежит, хйба ж нас трепать, як скаженных? От подивись! Та вин же ж пьяный, поди, як зараза, а тая тварь лютая звонить! Сама бы там и зробыла чего — тряхнула бы або спытала, як вин себе чуе! Ну...

— ...за шоколадками поедем. Снова Бойченко вызывает. Не спится же с утра гадине...

— ...температура, десять лет. Вот мамыши пошли, мать их! Не знают, что при температуре делать! Чему их только...

Да, непосвященному человеку в самый раз лопнуть от злости, слушая такое. Это говорят врачи, «люди в белых халатах», дававшие клятву Гиппократата! Да как у них языки поворачиваются такое произносить! Ну, «Скорая помощь»...

А вот посадить бы такого недовольного на выездную бригаду и прокатить бы его по все вот этим вызовам — посмотрел бы я тогда на него, следующим утром. Он бы в корне пересмотрел бы свои взгляды на отношение к вызовам, когда, например, он узнал бы, что «старая лошадь» Клуценко вызывает бригаду ежедневно, утром и вечером, чтобы ей перемерили давление и сказали, одну ли таблетку сиднофарма принимать или хватит половины. Что сердце «болит» у молодой истерички, решившей таким образом продемонстрировать своему столь же юному и не в меру ревнивому мужу, как ей становится плохо от его постоянных претензий. Что лежащий мужчина в восьми из десяти случаев оказывается в доску пьяным бомжом, который обложит врача и фельдшера (а у нас подавляющее большинство персонала — женского пола) в четыре этажа такими словами, за которые удавить не стыдно. Что бабушка Бойченко вызывает к своему хроннику-мужу на ежедневную инъекцию коктейля «баралгин-магнесья-эуфиллин», которую должна, в идеале, делать участковая медсестра. Только никто не интересуется подробностями. Зачем они простым смертным?

Вот, однако, врач детской бригады взяла карту, бегло скользнула по ней взглядом и подтолкнула стоящего рядом фельдшера:

— Три года, судороги. Побежали.

Действительно, обоснованный повод к вызову. Судороги — это явление серьезное. Но не температура 38,7 С, которую молодая мамаша просто не знает, чем сбивать.

Беру карточку нашей бригады. Семь лет, девочка, повод — «упала с кровати». Не знаешь даже, смеяться или пугаться. В прошлый раз было «плохо в туалете». Иногда диспетчера по части формулировки поводов переплывают известное хохмача Колю Фоменко.

— Антон, взял?

По коридору неторопливо шествует Офелия Михайловна, врач моей бригады. Мы с ней друг друга терпеть не

можем, но по умолчанию соблюдаем до зубов вооруженный нейтралитет при совместной работе. Худой мир лучше доброй ссоры. А ссоры у нас были весьма добрыми...

— Да.

Офелия пробегает глазами содержимое карты. И, естественно, открывает рот.

— Оля! А что, детскую на этот вызов никак послать нельзя?

— Они на судороги поехали! — злобно отзывается Оля, отделенная от разгневанного врача решеткой окна диспетчерской. — Может, вернуть?

— Что, обе бригады поехали?

— Офелия Михайловна, отвяжитесь! — кричит Оля. Война Офелии с диспетчерской длится уже не первый год. — Все вопросы к старшему врачу! Дали вам вызов — езжайте!

— Сама езжай, шалашовка драная! — бушует Офелия. — Тебя бы, кикимору, по таким вызовам погонять, да в гору по гололеду!

Я поворачиваюсь спиной к разразившейся буре и иду в машину. К подобным сценам я уже привык. Михайловна практически каждую карту вызова, полученную из рук диспетчера направления, подвергает такой цензуре, что и главный редактор газеты покраснеет. Сейчас на шум прибежит старший врач, и сцена скандала растянется, как минимум, минут на десять.

Машина уже рычит, выбрасывая белые облачка выхлопных газов. Залезаю в салон, зябко ёжась. В машине гораздо холоднее, чем на улице.

— Бузит? — интересуется Валера.

Киваю.

— Печку не забудь.

— Да достал ты своей печкой. Включу, как машина согреется.

— Ну-ну.

Ждем, от скуки наблюдая за медленно ползущей вверх стрелкой индикатора температуры.

— Ну скоро она там? — не выдерживает водитель. — Там большой окочурится, пока она ляды точить будет.

Словно услышав его, на крыльце возникает Офелия Михайловна, договаривая что-то в закрывающуюся дверь, что-то явно нелестное и малоцензурное. Смотрю на часы — задержка выезда уже восемь минут. Это — один из аспектов, почему я не люблю работать с Офелией. Согласен — три четверти наших вызовов малообоснованны, зачастую — необоснованны вообще, но задерживать выезд нельзя. С диспетчеров что спрашивать? Они же больного не видят. И принимать, согласно действующему законодательству, обязаны все вызова, даже зная, что вызывает очередная Клуценко. Орать нужно на больных, вызывающих «Скорую» — и то после приезда на место в максимально короткое время.

— ...проститутка! — рычит Офелия, звучно бахая дверью машины. Это она явно продолжает незаконченный разговор со старшим врачом. — Вонючка траханная! Дрань подзаборная! Поехали, чего стоишь!

Валера даже не огрызается — знает, что бесполезно и чревато. Если этот персонаж Шекспира вошел в раж, цепляться с ним эквивалентно попытке поиграть в салочки с укушенным за известное место быком. Машина трогается с места.

Бросаю сквозь стекла задних дверей взгляд на ставшее почти родным трехэтажное здание подстанции. Когда я теперь его увижу?

Смена начинается с пятого этажа. Народная медицинская примета — как смену начнешь, так она и пройдет. Лифт, естественно, в пятиэтажках не предусмотрен. Михайловна

все бурчит, поднимаясь по грязным степеням. Я шагаю следом, стукаясь углами терапевтической сумки об узкие подъездные повороты. Звоним в обитую грязным дерматином дверь.

Ее открывает женщина со скуластым злым лицом, запахнутая в грязноватый халат и наряженная в заношенные тапочки.

— Наконец-то! Вас сто лет можно ждать.

— Можно, — не выдерживаю я, опережая Офелию. — Можно и двести.

Мамочка только рот приоткрывает в ответ на такое хамство.

— Больную показывайте, — рявкнула Офелия, опережая мамашу. — А ля-ля свое потом справите.

Мы проходим через прихожую, насквозь пропитанную запахами псины, нафталина и пригоревших котлет, конвоируемые онемевший на какое-то время мамашей. Под ноги нам выскакивает и начинает активно егозить полупородистая собачонка, явно вознамерившаяся совершить суицид под моими ногами.

— Собаку уберите, — сердито говорю я. — Неужели тяжело было это сделать до нашего приезда?

— Она...

— ...не кусается, — заканчиваю я. — Знаем, слышим на каждом вызове. Только это для вас она не кусается. А вот будем вашему ребенку делать укол — он начнет кричать. Кто собачке объяснит, что мы ребенка лечим, а не мучаем? Вы?

Входим в комнату. Детская довольно тесная, к стене притиснута двухъярусная кровать. Понятно. С такой, действительно, упасть можно с последствиями. На стульчике сидит девочка начального школьного возраста, в пижамке, расшитой бабочками, прижимающая к затылку мокрое полотенце и смотрящая на нас испуганными глазами. И еще более испуганными — на мамашу. Воображаю, чего она ей наобещала до нашего приезда...

Ставлю сумку у стены, присаживаюсь на корточки возле девочки.

— Ну-ка, зайчонок, покажи, что у тебя там...

Слава Богу, зайчонок оказывается дисциплинированным и понятливым — покорно убирает полотенце, давая мне нащупать в затылочной области головы шишку. Небольшую, слава Богу.

Свободный стул мгновенно оккупирует мамаша, пристально наблюдая за мной. Доктор, хмыкнув, кладет тонометр на детскую кровать и, пристроив карточку на стенку, начинает писать. Мамаша, поняв намек, делает загадочное движение нижней челюстью и выходит за вторым стулом.

Гематома на ощупь теплая, но ранки нет, светлые волосики ничем не запачканы.

— Голова не болит?

Девочка отрицательно мотает предметом обследования. Да, если бы болела, так бы не трясла...

— В глазах не двоится? Не тошнит?

— Нет...

— А где болит?

— Там, где шишечка.

Все понятно. Обошлось без сотрясения или чего похуже, хотя последнее слово все равно за хирургом стационара.

Офелия Михайловна, расположившись на освободившемся стуле, неторопливо пишет карту вызова. Входит мама с табуреткой в руках, решительно присаживается возле врача.

— Что с ней, доктор?

— Ушиб затылочной области... — начинает Офелия.

— Ясно, она, как упала, сразу затылком стукнулась. Я ей сколько раз говорила, чтобы не баловалась на кровати. Говорила я тебе, зараза такая, или нет? Чем только слушает... У меня аж давление подпрыгнуло. Вот, — мамаша проворно выгребла из ящика какие-то лекарства, — мне ваш участковый назначил принимать нифедипин и адельфан. А утром приняла таблетку, перемерила давление, оно у меня еще

выше было. Я приняла лазикс, трижды сходила мочиться, потом снова измерила...

Мы с Михайловной обменялись недоумевающими взглядами.

— Стоп-стоп! — врач остановила мамашу, уже закатывающую рукав халата, явно с намеком на проведение нами тонометрии. — Я не поняла — мы к кому приехали?

— К вам или к ребенку? — поддакнул я.

— Это... ну, к Машке, конечно, — запнулась мать семейства. — Вот, там у нее шишка сзади, я ей полотенце мокрое положила. А потом снова приняла нифедипин, потому что голова кружиться начала. И мне он что-то не помог. А сейчас, до вашего приезда, давление было 150/100.

Ох, этой маме нужно нашим диспетчерам ноги целовать, честное слово. Если бы Офелия на них утром пар не выпустила, сейчас такое бы началось!

— Какое, вы сказали, давление? — глухим от злости голосом переспрашивает врач.

— 150/100.

— И что?

— Как — что? Оно же высокое. Я вот едва по квартире хожу.

— А я с таким вот давлением на вызова езжу, — цедит Офелия. — И всяких двинутых выслушиваю, которые за своими детьми следить не умеют.

— А... эп...

И дыхание в зобу у этой вороны сперло!

— Вы нас для чего вызвали? Ребенок у вас упал? Так мы и будем заниматься ребенком! А свое давление можешь себе знаешь куда засунуть?! Что ты мне своим давлением тычешь? У меня дважды за смену предкризовое состояние бывает, я с нитроглицерина не слезаю — а еще по пятым этажам, как та девочка, бегаю! Мать называется! Ребенок с разбитой головой сидит, а она мне тут про свое давление долдонит!

— Да вы... да я... — пререзается голос у мамыши.

— Что — ты? Что — ты? Ты лучше лекарства свои держи в другой комнате, потому что в следующий раз твоё дитё таблеток наглотается, а ты и ухом не поведешь!

— Вы... вы... вон! Вон отсюда!

Ребенка вот только жалко. Подбираю с пола игрушечного Карлсона и передвигаюсь, закрывая безобразную сцену от детских глаз.

— Машенька, а это кто?

— Это Карлесон, — шепчет Машенька, все еще ошарашенная происходящим.

— А где он живет?

— На крыше. С Мальшом.

— А как он на крышу попадает? Страшно по крышам же лазить.

— У него моторчик сзади. Вот, вы разве не видите? Он кнопочку на животе нажимает — и моторчик жужжит.

Нажимаю — и правда, пластиковый моторчик приходит в движение, больно хватив меня по указательному пальцу, начиная жужжать. Более того, Карлсон радостно выкрикивает, хоть и заедающим, но все же узнаваемым голосом Ливанова: «Я в меру упитанный мужчина в полном расцвете сил!».

Каркающий голос киношного Шерлока Холмса отвлекает орущих друг на друга женщин. Поднимаюсь с колен.

— Доктор, сотрясения мозга нет, всего лишь подкожная гематома. Очаговой симптоматики не выявлено, анизокория и нистагм отсутствуют.

Вот так вот, позакывыристей да понаучнее! Деморализует homo imprudentis моментально. Мамаша осекается, подавленная волной незнакомых слов.

— Значит так! — вклинивается в паузу Офелия Михайловна. — Ребенка нужно показать детскому невропатологу и хирургу, для исключения отсроченной симптоматики ЧМТ*. Я предлагаю вам поехать в детскую больницу...

* ЧМТ — черепно-мозговая травма.

— Никуда я с вами не поеду! — истерически вскрикивает мамаша.

— Ваше дело! И ваш ребенок! Мое слово такое, а решайте дальше сами. Вот, в карте распишитесь.

— Нигде я ничего расписывать не буду! Я... на вас вашему... кто у вас там? Жалобу напишу!

— Да ты... — вскидывается Офелия.

— Позвольте! — я аккуратно влезаю между ними, отгесняя мамашу в коридор и закрываю за собой дверь.

— Пустите!

— Я вас и не держу. Послушайте меня — прежде чем жаловаться.

— Что?

Я оглядываю прихожую. Обои местами выцвели, местами подраны собачьими когтями, на полу затертый до неузнаваемости рисунок линолеум. Вопиющая беднота квартиры матери-одиночки. Напротив вешалки прибит полка со стоящим на ней дешевым дисковым телефоном. Рядом с ним горделиво соседствует серебристо блестящая сотовая Nokia, создавая режущий глаз контраст.

— Что же вы так? — говорю. — Сотовые телефоны за десять тысяч покупаете, а ребенка в таком свинарнике воспитываете?

— Какое ваше собачье дело? Я вас...

— Не надо нас, милая женщина. Подумайте о том, что палка может оказаться о двух концах. И тогда встанет вопрос о том, кого она больше стукнет.

— Вы мне что, угрожаете? Норма-ально! Хорошая у нас «Скорая помощь», нечего сказать! Вызывала врачей, а тут бандиты приехали какие-то! Ну, ничего, я вашему начальству все разьясню, и про стерву эту вашу в халате и про вас тоже! Вы у меня с работы вмиг повылетаєте!

— Понимаете, в чем дело... — я нарочито лениво тяну слова. — Таковую травму трудно заработать, упав с кровати.

— Что?

— Если бы она упала с такой высоты, было бы сотрясение головного мозга. Или — что еще хуже — ушиб его же. А гематомка у нее на голове небольшая, больше похожая на ту, которая остается от удара по голове кулаком.

— Да вы что такое несете?!

— Свидетелей не было, — совсем тихо говорю я. — Как она упала — никто не видел. Поэтому и доказать вам это будет сложновато.

— Где доказать?

— А в суде. Знаете, в Уголовном кодексе есть соответствующая статья, определяющая меру наказания за жестокое обращение с детьми? В лучшем случае это вам грозит штрафом в сто пятьдесят минимальных окладов. И, в случае чего, мы с этой нашей стервой в халате легко засвидетельствуем то, что, приехав на вызов, застали заплаканного ребенка со следами побоев. О чем незамедлительно сообщим в УВД. А они, на основании этого, непременно возбудят уголовное дело. Будет суд и, чем черт не шутит, возможно даже лишение родительских прав.

Да, это я, наверное, перехватил. У мамыши все лицо залилось стабильной сочной краснотой. Пожалуй, сейчас у нее и впрямь появились проблемы с давлением.

— Поэтому подумайте — нужны ли вам проблемы?

— Да как вы смеете... — шепчет мамаша.

— А вы как смеете? — повышаю голос я. — Вы растите ребенка, а он у вас в такой тесноте, духоте и вонище живет, что и бомж застесняется. Себе дорогие сотовые покупаете, а ей дешевые игрушки суете. Лекарства, которые опасны для детского организма, у нее в комнате храните, бесконтрольно от возможности случайного приема ей этих лекарств. Вызвали бригаду «Скорой помощи» вроде бы к Маше, а сами, в нашем присутствии назвав ее заразой, полезли к доктору с жалобами на свое якобы болезненное состояние, мешая сбору анамнеза по основному поводу вызова. Это как, по-вашему? Нормально? Порядочно? Девочка нуждается в срочной консультации специалистов — а вы

отказываете ей в этом лишь по причине брызжущих из вас эмоций, совершенно не думая о том, что ее здоровье вполне может оказаться под реальной угрозой в ближайшие 72 часа.

Наступает молчание, прерываемое нашим тяжелым дыханием. Мамаша молчит, явно не находит слов, чтобы достойно выразить бродящую в ней смесь ненависти, страха, обиды... и вины. Ибо опровергнуть сказанное мной она не может.

— Давайте — звоните, пишите, жалуйтесь. Я вас от телефона за уши не отгаскиваю. Вы же не за ребенка своего беспокоитесь — на него вас в данный момент плевать — вы нам хотите отомстить! Давайте, не стесняйтесь! Ну? Звоните, расскажите нашему начальству, какие сволочи работают на выездных бригадах — приезжают, хамят, морали читают, мешают детей воспитывать! Пожалуйста!

Поворачиваюсь и ухожу в комнату, оставляя ошарашенную мамочку в коридоре. Первое, что я вижу в комнате — это плачущую Машу и Офелию, прижавшую ее к себе и гладящую по голове. Аккуратными движениями, минующими область ухаба. Ребенок доверчиво жмет к ноге «стервы в халате», судорожно всхлипывая.

В проеме возникает мамаша, безмолвно созерцающая открышшуюся перед ней картину. Удивительное дело — обе они не говорят ни слова! Воистину, только дождик детских слез может погасить бушующее пламя взрослой ненависти.

— Собирайтесь в больницу, — тихо говорю я. — Берите свой паспорт, полис свой и ребенка.

— Машенька, иди к маме, — говорит Офелия. — Помоги ей собраться.

Машенька слушается. Мама — о, чудо — тоже.

Всю дорогу мы ехали молча — Офелия сидела в кабине с водителем, мамаша, нахохлившись, пристроилась на лавке, а Маша, с искренним любопытством вертя травмированной головой, расположившись на носилках.

В приемном детской больнице дежурил наш совместитель — доктор Ованесян, известный на педиатрических бригадах как «поющий доктор». Был он наделен удивительным чувством эмпатии к детям, искренней любви и неподдельной доброты. Сам не раз был свидетелем — самые противные младенцы, орущие во все горло по поводу и без оного, моментально замолкали и начинали улыбаться, стоило «поющему» появиться в комнате. Он всегда с удовольствием возился с детками на вызовах, рассказывал им сказки, пел песенки, играл в «козу рогатую» — вообще, блестяще владел богатым арсеналом хитростей, помогающих расположить к себе ребенка и вызвать в нем положительные эмоции. Как говорится, был он педиатр от Бога.

— А-а-а, бригада «Ух» — работает за двух! — радостно закричал он, когда узрел нас всех, входящих в чистенькое приемное, раскрашенное в теплых розовых тонах.

— Наша бригада «Эх» — работает за всех, — мрачно сказала Михайловна. — Вот, Аршак Суменович, ребенок с позрением на сотрясение.

— Какое еще сотрясение? Ну-ка, покажись! Ух ты, моя красавица! Да чтобы у такой симпатюли сотрясение было! Дай-ка дядя доктор посмотрит!

— Доктор Айболит, — не удержавшись, комментирую я.

— Доктор Ой-прошло, — смеется Ованесян, проворно ощупывая голову хихикающей Машеньки. — Прошло ведь?

— Прошло, — прыскает девочка.

— А вы мне тут — сотрясение, сотрясение. Нет там ничего. Шишка будет, конечно, а так... А ну, глянь-ка дяде в честные рыжие глаза! Та-ак! Признавайся, что у мамы

украли? Шоколадку? Что глазки у тебя бегают, как две мышки от кота? Знаешь, как мышки от кота бегают?

Михайловна оставляет на столе дописанный сопроводительный лист, направляется к выходу. Я киваю «поощему» и направляюсь следом. Мамаша ловит меня за рукав.

— Вы... это... ну, не обижайтесь на меня. Ладно?

— А вы за ребенком следите лучше. И лекарства из ее комнаты уберите.

Офелия молча наблюдает за мной, стоя в дверях приемного. Мы вдвоем направляемся к фырчащей «газели», забираемся по своим местам — она в кабину, я в салон. Закрываем двери...

— У-у-у, сука! — дает волю эмоциям доктор. — Вонючка тасканная! Права она качает, мать ее туда и оттуда! Жаловаться... я т-тебе пожалуюсь, мразота!

Валерка отворачивается, я торопливо закрываю окошко в переборке между салоном и кабиной. Михайловна бушует минут десять, я успеваю тайком перекурить, пуская дым в приоткрытый вентиляционный люк в потолке. Пусть уж лучше орет здесь в пространство, чем на вызовах больным и их родным. Впрочем, куда мне-то судить — я на «Скорой» всего семь лет. Михайловна пашет уже четвертый десяток, насмотрелась и наслушалась вдоволь всякого, поэтому ее эмоциональная лабильность в данном случае простибельна.

Выматерившись напоследок, Офелия сдергивает со шпенька рацию.

— «Ромашка», бригада четырнадцать в детской больнице, свободны.

Некоторое время рация молчит, снабжая нас щедрым треском атмосферных помех.

— Четырнадцать, вы где?

— В детской больнице.

— Где?

— В п...де! — рывкает Офелия. Слава Богу, отжав тангенту. — Детская городская больница, приемное отделение-е!!

— Ясно. Вызов примите. Улица...

Записываю вызов в соответствующих графах чистой карты вызова. «Давление». Нет, иногда я просто балдею с наших диспетчеров. Повод к вызову придуман для того, чтобы бригада, катящая на очередное недомогание, хотя бы примерно знала, к чему готовиться. Что — давление? Высокое, низкое, скачет, вообще по нулям? Был случай, когда мы приехали на такое вот «давление» — соседи вызвали, показалось, что плохо гипертонику, скулит за стеной больно жалостливо. И наткнулись мы на трехдневный труп, обглоданный некормленной домашней собакой. Кто скулил, пояснять, думаю, не надо.

Мы трогаемся с места. Все еще серое утро, полное дождевых капель и низко ползающих облаков. Следующее, надо понимать, будет аналогично этому. Но его я уже жду, как зарплату. Потому что в восемь часов этого мрачного утра я, затаившись последней за смену сигаретой, зашвырну ее подальше на газон (за что непременно получу по голове от старшего врача, если увидит), зевну, хрустну суставами и гренадерским шагом покину нашу подстанцию на двое суток.

Боже, как это все будет нескоро...

Этот вызов был обоснован, на удивление мое и Михайловны. У бабушки была прогрессирующая нестабильная стенокардия, выдавшая ей с утра шикарный болевой приступ за грудиной. Один из немногих плюсов работы с Офелией — с «нормальными» больными она молчит. И на таких вызовах ей просто можно гордиться. Бросив беглый взгляд на снятую кардиограмму, выслушав жалобы больной, она коротко и ясно отдала распоряжения. Мы вдвоем с внуком усадили бабулю, опустив ее ноги вниз, дали проглотить

таблетку аспирина и анаприлина, сдобрив все двойным пшиком «нитроминта». Отправив внука в машину за кислородным ингалятором, я ввел внутривенно гепарин. Мы посидели на вызове, дожидаясь стабилизации артериального давления до рабочих единиц и купирования болевого приступа. После чего, организовав двух соседей, спустили бабушку с третьего этажа на носилках в машину.

— Валера, с мигалкой в кардиологию, — распорядилась Офелия в окошко, усаживаясь рядом с больной в салоне. — Антон, кислорода хватит?

— Баллон полный, доктор.

Взвыла сирена, и наша «газель», разбрасывая синие блики на стекла домов и автомобилей, понеслась по дороге. Ближайшие машины испуганно шарахнулись к обочинам, когда мы вылетели на встречную полосу. Правильно, к чертовой матери «пробки» и светофоры! Разгоняя городской транспорт воем и периодическим «кряканьем», Валера домчал нас до третьей городской больницы буквально за минуты.

Выгружать у приемного отделения больную пришлось нам с водителем. В «тройке» — теоретически — есть санитары, но работают они почему-то только по вечерам, а фельдшера приемного не снисходят до помощи при перегрузке больного. Как и охранники — крупный товарищ в камуфляже, открывший нам двери, тут же принял скупающий вид и отвернулся, не симитировав даже попытки принять участие в водворении бабушки на каталку.

— Ой-ой-ой, — запрочитала бабуля, когда мы, не удержав, чуть не уронили ее в щель между разъехавшимися каталкой и нашими носилками. Офелия, кряхтя от боли в сорванной когда-то спине, принялась нам помогать. Охранник только искоса поглядывал на то, как мы, сопя сквозь сжатые зубы, разворачиваем каталку.

Уже завозя ее в приемную, я от души пихнул его плечом.

— Подвинься, скотина.

— Выйдешь — разберемся, — пообещал охранник.

— Начинай оформлять больничный, придурок.

Да-а, а ведь раньше за собой такого не замечал. Пока с Офелией работать не начал. Видно, с кем поведешься...

— Так-так, давайте сюда ее, — распорядилась фельдшер приемного, появляясь в дверях и уперев руки в бока.

— Без тебя знаю, — буркнула Офелия, оттесняя ее в сторону. — Дома мужем командовать будешь! Врача лучше зови!

Ну вот, Михайловна снова завелась. То ли еще будет, когда появится врач.

— Так, что у нас тут? — цокая «шпильками», в кабинет входит молодая девушка в белом халате, с фонендоскопом на шее, брезгливо морща нос при виде нас. Ясное дело, силен контраст: ее белоснежный халатик без единого пятна, макияж, сверкающий лак на ногтях и запах дорогих духов — и мы, вспотевшие, пыхтящие, с пятнами уличной грязи на брюках и белыми разводами от гипохлорита на одежде.

— Не «что», а «кто»! — мгновенно реагирует Офелия. — Не о ящике помидоров говорите, а о человеке! Больная у нас с нестабильной стенокардией!

— Вы приступ сняли?

— Сняли.

— А почему к нам привезли? У меня инфарктное забито, в терапии по двое на койке лежат. Куда мне ее девать с вашим снятым приступом?

— Ваши проблемы! Мы ее обязаны госпитализировать — мы и госпитализируем!

— Интересные вы люди! А мне ее что, в коридор ложить? Понеслось...

Для любого стационара отфутболить больного — это милое дело. Стоит только в гуще патологий отыскать одну не свою — все, она тут же представляется как доминирующая, и с именно этой патологией отправляют бригаду мотаться по стационарам совместно с больным, пока нам не удастся впихнуть его куда-либо.

Большую ошибку делает тот, кто отождествляет «Скорую помощь» и стационар. Это — два абсолютно разных

государства, между которыми существует негласный пакт о ненападении, который, однако, то и дело нарушается. И о коллегиальности и единении здесь и речи быть не может.

Врач больницы уверен в себе — он на своей территории, в своих знакомых четырех стенах, рядом многочисленный персонал, широкий ассортимент диагностического оборудования, все условия для обследования, охрана, наконец, на случай проявления посетителями недовольства. Больной же в стенах стационара, как правило, тих и покорен. Здесь ему все незнакомо и пугающе, здесь чужая обстановка и свои правила, придавливающие его как личность, поэтому хамство персонала он сносит, как правило, молча и практически безропотно. Кулаками махать начинают единицы. Врач же «Скорой помощи» — это его полная противоположность. Тут картина меняется диаметрально противоположно. Мы уже на чужой территории, где все незнакомо, непривычно и, зачастую, враждебно, по причине того, что «пока вас дожدهмся, сдохнуть можно». А больные — наоборот, у себя дома, где чувствуют себя хозяевами ситуации. И могут смело поливать нас грязью, зачастую пуская в ход руки, потому что они «на своей земле».

Неудивительно, что между врачами того и другого лагеря давным-давно сформировалась устойчивая глухая неприязнь. Понять можно и тех, и других. С чего бы, например, радоваться врачу того же приемного отделения, разбуженному в три часа ночи, бригаде «Скорой помощи», привезшей очередного больного, которого нужно, подавляя зевоту и раздражение, обследовать, оказывать помощь, направлять в отделение и заниматься скучной писаниной оформления истории болезни. Особенно, когда это случается не единожды, а несколько раз кряду за ночь. Да и врачу «Скорой помощи» радости мало, примерно в такое же время, метаться между больницами, туда-сюда перетаскивая в любую погоду стонущего больного, дабы исключить разнообразные осложнения течения различных

заболеваний, заподозренных врачами приемных отделений. Молчу уж о том, каково при всем этом самому больному...

Слава Богу, в подобных баталиях Михайловна поднаторела достаточно, чтобы искать помощь со стороны. Я выхожу из кабинета, направляясь к выходу. Там меня один обиженный ждет.

Охранник, завидев меня, стал демонстративно поигрывать бицепсами под формой и мотать шеей туда-сюда. Для такого быка я довольно чахлым казался в роли матадора.

Подхожу.

— Ну, служивый? На что жалуемся? Погоны жмут?

— Интересно, — с деланной задумчивостью оглядывает меня охранник, — если я тебе сейчас в рыло заеду, что мне будет?

— Если я окажусь быстрее, — радостно отвечаю я, — то сломанная челюсть, пара отсутствующих зубов и отбитые яйца. Если ты окажешься — то мгновенный вылет с этой работы и оплата мне времени нетрудоспособности, плюс моральный ущерб. А так как я очень чувствителен по природе своей, ущерб может оказаться таким, что ты и за двадцать лет не расплатишься.

— Че, думаешь, напугал, да? Че, думаешь не вломлю тебе?

— Думаю, что не вломишь. Ты на свою рожу в зеркало посмотри — если поместится, конечно. Бычишься передо мной, а сам весь трясешься. А почему трясешься? А потому что работенка у тебя непыльная — стоять тут весь день, двери открывать-закрывать, бомжей выгонять, водку жрать после десяти и медсестер за задницы хватать. И платят, небось, побольше, чем всей нашей бригаде вместе взятой. А окажешься на улице — кому ты нужен будешь со своими двумя классами образования?

— Слышь, ты че цепляешься? — начинает нервничать секьюрити. Зацепили мои слова про вылет с работы, надо полагать. — Тебе че надо вообще?

— А тебе обидно, наверно, на рабочем месте оскорбления слышать? — участливо спрашиваю я. — Стоял пацан, стоял, никого не трогал — и на тебе. Приехали, пихают, хамят. Обидно ведь, а?

Молчит, сверлит взглядом.

— Да хоть дыру протри! — говорю уже злее и громче. — А мне, думаешь, не обидно, что мой доктор, женщина уже в возрасте и не в самом лучшем здоровье, тащит на себе полтонны весящую бабку, когда ты, лобяра здоровый, стоишь и пальцем в носу ковыряешься? Ты тут задницу протираешь, в тепле и под крышей — а мы по городу в такую погоду мотаемся, прем этих больных с пятых этажей и из бараков, на себе. И ничего, не переламываемся!

Прохожу мимо него и направляюсь к машине. Слышу бормотание вслед.

— Морали мне тут читать будет, мудрила засранный...

Поворачиваюсь.

— Учти — на месте этой бабули, в другой больнице, вполне может оказаться твоя мама. И кто знает, может как раз сейчас где-то такой же скот, как и ты, смотрит на то, как бригада корячится, пытаюсь ее под дождем переложить на каталку и пальцем не пошевелит помочь, даже если ее в грязь уронят. Представь это, да поярче, в деталях. Авось поумнеешь.

Так вот мы обслужили еще три вызова. Мелочевка — два «давления», одну «температуру». Все три банальны до безобразия. В первом случае у бабушки кончился клофелин, на который его прочно посадил участковый врач, во втором заскучала была наша постоянная клиентка, живущая по стабильному расписанию «Встал-потянулся-вызвал «Скорую»-пошел в туалет-позавтракал». «Температура»

тоже интереса не представляла, Михайловна вдоволь порычала на мордатого дядю, который встретил нас, укутанный в ватное одеяло по самые брови.

— Пообедать бы, — мечтательно произнес я.

Офелия промолчала, но потянулась к рации.

— «Ромашка», четырнадцатая свободна на Пальмовой.

— На станцию, четырнадцатая.

— Слава те, Господи! — размахисто перекрестился я. —

Как по заказу.

Мы тронулись с места и успели отъехать даже на сто метров.

— Бригада четырнадцать, ответьте «Ромашке»!

— Твою мать! — в унисон среагировали мы.

— Слушаем вас, «Ромашка».

— Вызов примите — Морская, дом сто один с буквой «А», квартира два, вторые роды!

— Ёпст! — вырвалось у меня. — Вот это попали!

— Не каркай, — оборвала Офелия. — «Ромашка», четырнадцатая вызов приняла.

— Четырнадцатая, как «Ромашку» слышали?

— Да приняли вызов!! — заорала Михайловна в рацию. —

Один-четыре, мы поехали!

Где-то надо мной взвыла сирена и заскрежетали врачающиеся маячки. Я, хватаясь на ходу за носилки, стал лихорадочно перебирать хирургию, разыскивая родовой набор. Стерильные перчатки, пупочные канатики, грушка для отсоса слизи... А, черт! Срок стерилизации на грушке истек уже неделю как. Принял смену, называется, дубина!

— Надеюсь, у нее схваток нет, — пробурчал я, усаживаясь обратно на кресло.

— Мозгов у нее нет, — раздраженно ответила Михайловна.

— Может, и не понадобится хирургия, а?

— Может.

Машина влетела во двор пятиэтажки, распугав толпу ребяташек. От первого подъезда к нам кинулся парень в кожаной куртке.

— Ваш-шу мать, врачи хреновы! Где вас носит?! Там уже ребенок вылез!

— Бери хирургию! — рывкает Офелия.

Да и сам понял, не дурак. У меня тут же начинают трястись руки. Роды — это страшное дело для бригады «Скорой помощи». Раньше, давно, была специализированная акушерская бригада, но сгинула в водовороте перестройки в связи с урезанным финансированием. Нет, все мы, конечно, изучали в свое время периоды течения родов и тактику родовспоможения вне стационара, но это когда было-то! Мы и алгебру изучали тоже когда-то — а вспомнит сейчас кто формулу квадратного уравнения? Поскольку роды не часто встречаются в нашей работе, навыки и знания притупляются. А страх — обостряется. Проще иметь дело с ножом, торчащем в животе у здорового мужика, чем с этой вот новой жизнью, такой хрупкой и слабой, что и прикоснуться страшно.

Мы врываемся в квартиру, сопровождаемые сочными матюками кожаного парнишки, вихрем проносимся по коридору, спотыкаясь о брошенные на пол вещи. Я толкаю рукой полуоткрытую дверь в комнату. Первое, за что цепляется взгляд — это стонущая девушка, лежащая на кровати с широко расставленными ногами, лужица крови на простыне и канат пуповины, тянущийся к неподвижно лежащему синеватому тельцу.

— Что — дождались? — истерично орет парень куда-то мне в затылок. — Не дышит? Не дышит, б...дь! Суки, гавнючие, передушить вас мало!! Я вас отсюда, твари, живыми не выпущу!!

Я, насколько могу быстро, начинаю разбирать родовой набор, раздираю крафт-пакет, протягиваю Офелии стерильные перчатки. Она, мгновенно натянув их на руки, поднимает младенца за ноги.

— Грушу!

Потрошу второй пакет, выуживая резиновую спринцовку. Офелия вводит ее в нос новорожденного, несколько раз качает, отсасывая слизь, забившую носовые ходы, потом, коротко размахнувшись, бьет его по ягодицам. Бесильно болтавшаяся головка судорожно дергается, и комната оглашается пронзительным воплем.

Слава Богу! Жив, маленький поганец. И, судя по всему, даже доношен — больно уж резво машет ручками и верещит.

Руки у меня дрожат все сильнее, пока я достаю ножницы и пупочные канатики. Выкладываю все это на полотенце, надеваю другую пару стерильных перчаток, на глаз прикидываю десять сантиметров от пупочного кольца новорожденного, завязываю канатики на расстоянии двух пальцев друг от друга, обрабатываю пуповину йодом.

— Потерпи, милая.

— Ой, вы что делаете? — вскрикивает роженица.

— Да лежи спокойно! — прикрикивает Офелия. — А ты воды теплой принеси! Если дома есть марганец — добавь его туда, до слабо-розового цвета, не больше!

Это уже парню. На того вид орущего — живого — младенца подействовал, как ушат холодной воды на самую макушку. Он молча уходит.

Щупаю пуповину на предмет пульсации. Не найдя, аккуратно, но быстро, шелкаю ножницами, перерезая ткани. Девушка только слегка вздрагивает. Брызнувшую яркой кровью пуповину отжимаю пальцами, пока кровь не прекращает течь, затем обтираю ее стерильной салфеткой и обрабатываю края йодом.

— Ой, щиплет!

— Ничего, от этого не умирают, — вяло шучу я. Щиплет ей, блин...

Прибывает миска с теплой, подкрашенной марганцем, водой, внесенная утихомирленным парнем. Офелия Михайловна, вооружившись стерильными тампонами, обмывает

мордашку новорожденного, затем, взяв поданные мной салфетки, начинает стирать с медленно розовеющего тельца слизь и околоплодные воды.

— Ты когда родила?

— А?

— Бэ! Родила когда? Сколько времени прошло?

— Минут пятнадцать, наверное.

— Как себя чувствуешь? Голова не кружится? Тошнит?

— Нет, все нормально.

— А когда у тебя живот заболел? — самым наивным тоном задаю коварный вопрос.

— С неделю.

Офелия яростно сверкнула глазами, не прекращая обтирания хныкающего ребенка.

— И каким местом ты думала? Срок какой у тебя был?

— Тридцать семь недель... Да я думала, что это из-за запора все...

Из-за запора! О, sancta simplicitas! Будучи второй раз беременной, на подходящем уже сроке, она боль в животе списала на запор. Нет слов!

— Ой, тянет что-то там.

— Ясно, что, — бурчит Михайловна, оттесняя меня в сторону.

Действительно, пуповина, все еще перехваченная канатиком, медленно удлиняется, а над симфизом медленно появляется выпячивание.

— Позыв на потуги есть?

— А?

— Ладно, все и так ясно.

Офелия надавливает ребром на область выше лобка — пуповина не втягивается.

— И-слав-те-Господи. отошла нормально.

— Тянет сильно, — жалуется девушка.

— А ты потужься, — советую я. — Как по-большому ходишь, так и сейчас.

Она послушно напрягает мышцы пресса.

— Давай, давай, сильнее!

Большие половые губы расходятся, обнажая выползающее на свет божий что-то жутко выглядящее слизисто-синеватое.

— Больно!

— Не выдумывай! Еще, еще совсем чуть-чуть!

Я протягиваю руки, принимая удивительно тяжелый послед в подставленные ладони.

— Медленно поворачивай в одну сторону, — командует врач.

Подчиняюсь, поворачиваю слизистый мешочек против часовой стрелки. Из влагалища выскальзывают белесые нити.

— Ну, вроде все, — говорит Офелия. Разложив послед на руках, она начинает рассматривать дольки. Пожимает плечами.

— Да вроде цел. Сейчас детское место посмотрю. Антон, обработай ее пока...

Я, снова вооружившись салфеткой, смоченной в теплой промарганцованной воде, начинаю аккуратно обтирать наружные половые органы. Девушка хихикает.

— Что, снова щиплет?

— Нет, смешно.

— Действительно, — аккуратно стерильными ватными тампонами раздвигаю половые губы и обсушиваю ими влагалище. — Со смеху лопнуть в самый раз.

— А как ребенок, доктор?

— Ребенок как ребенок, — отвечаю я. — Нормальный пацаненок родился. Здоровый, если ты об этом.

— Ой, спасибо! — начинает улыбаться молодая мама. Ее глаза останавливаются на оттопыренном нагрудном кармане моей формы. — А вы мне сигарету не дадите?

— Может, еще за пивком сгонять?

— Извините...

— Антон, хорош балаболить! — обрывает врач. — «Шоков» вызывай в помощь.

— Иду.

Выхожу в коридор, сдирая с намокших от пота рук перчатки. Неласковый парнишка, обильно поливавший нас матом по приезду, мнется там же.

— Где телефон?

— Там.

Набираю родные цифры «03», некоторое время слушаю гудки.

— «Скорая», семнадцать.

— Мариша, это четырнадцатая на Морской. Мы роды приняли, но нам «шоки» нужны.

— Что с ребенком?

— Да все нормально, вроде, — отвечаю, косясь на лозящего каждое мое слово парня. — На всякий случай...

— Ясно, ждите, сейчас пришьем.

Святое это дело — спихнуть своего пациента другим. Сразу настроение улучшается. Я возвращаюсь в комнату, начинаю собирать разбросанный хлам. Офелия укачивает плачущего ребенка. Девушка уже отошла от первичного испуга, и даже начала улыбаться, поглядывая на свое чадо.

— Второй? — киваю на ребенка.

— Второй. Ирка первая, у бабушки сейчас.

— А этого как назовешь?

— Ой, как угодно, — смеется девушка. — Только не Антоном.

— Не понял? — обиженно привстаю с места. Вот уж, действительно, благодарность. — Почему?

— Мужа так зовут, — хрипло поясняет стоящий в дверях парень. — А он, как узнал, что она беременна вторым, сбежал.

— А-а... Ты-то кто?

— Брат.

— Все понятно.

Минут через десять прибывают «шоки» — двенадцатая реанимационная бригада. Бегло поздоровавшись, они быстренько забирают ребенка, упакованный в пакет послед

и родильницу, на носилках заносят в машину и так же стремительно уезжают.

Мы с Офелией молча смотрим им вслед, стоя на крыльце подъезда. Устали оба, мне сейчас сумка с хирургией кажется тяжелее трехэтажного дома. И раздражающая дрожь в руках осталась. Черт, ведь еще расходку писать!

— Ну, пошли, что ли, — бросает Михайловна.

Пошли.

— Эй! Эй, ребята!

У самой машины нас догоняет давнишний парень. Совсем прямо другой человек стал — ни намёка на агрессию...

— Вы, это... простите за то, что накричал на вас.

Они и слова одни и те же говорят. *Post factum*. Когда говорю сначала обольют прилюдно. А извиняются — тихо и вполголоса. Но обижаться уже сил нет, все эмоции перегорели на вызове.

— Просто... ну... за ребенка испугался, а вас, это... все нет и нет... вот. Ну, там... если чем отблагодарить могу... вы скажите.

Я устало присаживаюсь на подножку машины, достаю сигарету.

— Да чего там говорить? Вон ларек, цены на пиво, думаю, знаешь.

— Понял! — радостно отвечает парнишка, бегом устремляясь к ларьку. Только что не вприпрыжку. Еще бы, так легко отделаться за «сук» и «гавнючье». С милицией бы он таким тоном пообщался...

— Офелия Михайловна?

— Буду, буду, святое дело, — отвечает врач, не отрываясь от написания карты вызова. — Как-никак, дитё родилось... да и сами чуть не родили.

Дружно хохочем. Прибегает парень, впихивая мне в руки пухлый пакет.

— Вот, возьми, земляк. Ты, это... вы как там называется, у себя? Я хочу вам на «03» благодарность вынести.

— Да брось ты.

— Нет, я без задней мысли! Серьезно, прямо сегодня позвоню.

— Звони, — безразлично отвечаю я. Сто раз слышали. — Бригада мы четырнадцатая, врач Милявина, фельдшер Вертинский. Смена восемь-восемь.

— Лады. Ну, бывайте!

— Бывай.

Смотрю в пакет — там три двухлитровые бутылки «Очакова», несколько упаковок с сушеными кальмарами, остальное пространство забито пакетами с сухариками.

— Вот и обед..

— «Ромашка», бригада четырнадцать на Морской, — доносится из кабины голос Офелии.

— Какая бригада?

Даже не ругаемся. Рация, что стоит в диспетчерской, дреняя, как помет птеродактиля. Практически все отзвонки бригад приходится вычленять из непрерывного треска и шипения.

— Бригада четырнадцать, один-четыре, — отдельно произносит врач. — На Морской.

— На станцию, один-четыре.

— На станцию так на станцию. Поняли вас, «Ромашка».

Едем на подстанцию. Время обеденное. Наверняка сейчас в какой-нибудь фирме по продаже сотовых телефонов захлопывают дверь, вещают табличку «Закррито», достают из холодильника принесенные из дома бутерброды. И живо загрызут любого, кто посягнет на течение священнодействия процесса питания. Им можно. От того, на час или на два позже они продадут очередную сверкающую хромом мобильную игрушку, не зависит человеческая жизнь. Странно — а ведь получают они куда больше нашего. Наша

месячная зарплата — это их трехдневная. И зачастую так обидно становится, что те люди, работа которых не так тяжела, ответственность перед обществом не велика, а зарплата — выше наших самых смелых ожиданий, имеют законное право на обед. А мы — не имеем, получается. Нет у нас в расписании обеда с двух до трех. Есть возможность «осуществления питания в свободное от вызовов время». А если нет такого времени?

Положив голову на локоть, упертый в окошко переборки, слушаю рацию.

— «Ромашка», ответьте десятой!

— Слушаем вас, десятая.

— Мы свободны на Целинной.

— Запишите вызов — Лесная, дом восемнадцать, квартира сорок шесть, там семьдесят один год, «плохо».

— С заездом на станцию можно?

— Нет, «десятка», вызовов много.

— Вас поняли.

Вот так. Ругнешься разве что про себя. «Десятка» поехала на очередное «плохо». А плохо, скорее всего, бесчисленной по счету бабушке с приступом артериальной гипертензии, у которой кончились таблетки. Или она таблеткам просто не доверяет, а верит исключительно во внутривенные инъекции. Или участковый врач, как часто они делают, сказал ритуальную фразу: «Будет плохо — вызывайте “скорую”». И вместо обеда бригада сейчас будет ломиться сквозь пробки на улицу Лесную, чтобы минимум сорок минут провозиться с этой бабушкой, угрожав все это время на выслушивание ее жалоб, снятие основной и контрольной ЭКГ, ковырание в ее заросших жиром руках в поисках ломких и бегających вен, назначение лекарственных препаратов, которые необходимо приобрести, и схемы их приема. При этом зная, что ничего бабуля, конечно, покупать не будет — больно хлопотно и дорого. В следующий раз она снова вызовет «скорую». Так удобнее.

— Бригада восемнадцать, ответьте «Ромашке».

- Отвечаем!
- Вы где находитесь?
- Везем больного в нейрохиргию.
- Работайте быстрее. У вас меньше всех вызовов.
- Как умеем, так и работаем, «Ромашка»!
- Отзвонитесь из нейрохирургии.

А может, восемнадцатая больного давно уже сдала и стоит, сейчас, спрятавшись где-нибудь за углом, а врач с фельдшером торопливо жуют прихваченные с собой со станции пирожки или купленные в ларьке рогалики. Как воры, прячутся, от своих же бригад и от идейно озабоченных доброжелателей, которым сам вид праздной стоящей машины «Скорой помощи» кажется оскорбительным. Ведь где-то же люди в этот момент умирают! А мы стоим, банально жрем, вместо того, чтобы сломя голову мчаться и всех подряд спасать! В первые годы работы в ответ на реплики таких вот товарищей мне хотелось схватить их за шевелюру и как следует приложить головой обо что-нибудь твердое и угловатое, пока оно не станет красного цвета. Ведь ни один же из таких вот доброхотов, вызывающих бригаду к лежащему на улице бомжу, елозящему в собственном дерьме и рвотных массах, не подойдет к нему сам. Зачем, ведь испачкаться можно! Гораздо проще делать добро чужими руками.

- «Ромашка», ответьте пятой!
- Слушаем вас, «пятерка».
- Маша, у нас тут конфликтная ситуация! Тут во дворе труп, нас не выпускают родственники! У водителя отобрали ключи, угрожают избить!
- Сколько их?
- Много, все нерусские! И труп — тоже!
- Ясно, «пятерка», сейчас позвоним в милицию.
- Машенька, побыстрее! Они пьяные, с ними невозможно разговаривать! Орут!
- Дарья Сергеевна, сейчас сообщу! Бога ради, будьте там поспокойнее! Не провоцируйте!

Вот так. Людская благодарность, мать ее ети. Я слышал, как злосчастной «пятерке» этот вызов передавали по рации. Повод к вызову — «посинел». Здоровые и живые люди, как правило, не синеют. Это значит только одно — они нашли эту пьянь уже тогда, когда наступило трупное окоченение, но вместо милиции вызвали «скорую». И сейчас друг перед другом играют в скорбящую родню. А местом приложения этого пьяного артистизма является наша бригада.

— Бригада семь, ответьте «Ромашке»!

— Отвечаем.

— «Семерочка», там нашу пятую бригаду на Горной не выпускают родственники. Милиция обещалась быть не раньше, чем через час.

— Слышали по рации, «Ромашка». Нам ехать туда?

— Да, сгладьте там ситуацию, как сможете. Там девчонки одни с кучей пьяных мужиков!

— Вас поняли, «Ромашка». Едем.

Милиция обещалась через час. Это значит, что раньше, чем через два — три часа их можно не ждать — проверено. А ведь только вид человека в форме деморализует пьяных дебоширов. На «семерке» вся смена сегодня — молодые крепкие ребята, да только что они могут? Если будет драка, мы же еще и окажемся виноваты. Закон не защищает медиков так, как правоохранительные структуры. Это если на милиционера при исполнении напал, то сразу статья, громадный штраф или срок. А в нашем случае все оформляется как «бытовуха», более того, на нас вполне могут подать в суд. Мол, не оказали помощь, допустили смерть, «а что очки товарищу разбили», так это все только в состоянии аффекта и горя безвременной утраты. И ни в коем случае не в пьяном угаре.

— «Ромашка», ответьте двенадцатой!

— Слушаем, один — два.

— У нас тут ДТП, четверо пострадавших, пришлите кого-нибудь для транспортировки.

— Скольких сможете взять?

— Все четверо тяжелые, возьмем двоих.
— Секунду, один — два. Бригада девять, бригада четырнадцать, ответьте «Ромашке».

Все, пообедали. Я молча протягиваю Валерке и Офелии по пакету сухариков. Врач устало берет в руку рацию.

— Бригада четырнадцать слушает...

Нам достался толстый дядька армянской национальности, извлеченный из раскатанной почти в лепешку когда-то шикарной «Ауди», с открытыми переломами голеней и разбитой головой. Правда, к нашему приезду «шоки» уже успели сделать все, что требовалось — остановили кровотечение, зашинуровали и перевязали болтающиеся отломки, поставили периферический катетер, в который воткнули капельницу, наложили на голову гемостатическую повязку. Когда мы подъехали, то еле протолкались сквозь гомонящую толпу, полностью блокировавшую движение на дороге. Наш пациент лежал на асфальте, мокром от крови, уже собравшейся сгустками, на вытащенной из машины клеенке. Толпа, как водится, негодовала.

— Садисты, что творят, а? Человека на бетон голый, в самую кровяницу положили!

— Вон, дрянь какую-то подстелили! Бомжей на ней, наверное, таскают, а тут мужчина нормальный — а они его туда же!

— Во-во, еще такие же приехали!

Распихивая доброжелателей, мы подбираемся, наконец, к больному. «Шоки» не отвечают на ругань, потому как заняты реанимацией особенно тяжелого пострадавшего — фельдшер с врачом проводят СЛР*, с хрустом продавливая

* СЛР — сердечно-легочная реанимация.

его ребра и сопя мешком Амбу, второй фельдшер торопливо выволакивает из машины дефибриллятор.

— Козлы, что ж вы делаете! Щас же всю душу из него выдавите! Смотри, смотри, что творят! Врачи, мать их!

— Кто вас учил, дебилов? За что вам зарплату платят? Я, вот, когда в больнице работала...

Старая песня. Удивительное дело — при любом мероприятии такого рода в толпе находится как минимум с десяток медработников, которые, однако, скрывают свою принадлежность к службе «Красного креста», пока нет медиков настоящих, зато открывают рты, когда за дело берется бригада «Скорой помощи». И начинают учить, указывать, распоряжаться! Где же вы были раньше, уважаемые, со своими знаниями, умениями и навыками, когда больной кровью истекал, упав с высоты? Когда горлом булькал и синел, вытасканный из воды? И, что самое страшное, это умники ведь даже не думают, что творят, выкрикивая свои комментарии. Им что — лягнули, покрасовались, перед всеми эрудицией блеснули и ушли. А толпа ловит каждое слово, особенно если состоит из родных и близких. И, не приведи Господи, если больной умрет, нас же просто разорвут! Не раз и не два бывали ситуации, когда приходилось убегать с вызовов, уворачиваться от камней, от ножей и прочих попавшихся под руку атрибутов выражения чувств разгневанной родни, после такой вот консультации со стороны. Конечно, нам же умный человек из толпы сказал — а мы не сделали! Потому больной и умер! И вовсе не потому, что у него вместо легких кровавая каша, а мозги частично на асфальте.

Не отвечая на ругань, вытаскиваем с Валеркой носилки, начинаем осторожно перегружать больного. Из толпы, оттолкнув самых активных, выходят двое парней:

— Ребят, чем помочь вам?

Парни здоровые, крепко сбитые. И на вид — порядочные. Спасибо тебе, неведомый покровитель усталых скоропомощников.